

ДЕМОГРАФИЯ

Уважаемый читатель!

Перед Вами статья старейшего демографа страны, доктора экономических наук Якова Израилевича Рубина. Обозначенная тема - предмет многолетних исследований автора, свидетельство поиска ключевых приоритетов долговременной стратегии демографического развития страны. Статья является подтверждением того, что возраст для по-настоящему талантливых людей не является препятствием для плодотворной интеллектуальной деятельности. Она публикуется в юбилейный для Якова Израилевича год - 90-летия, со дня рождения. Пожелаем автору дальнейших творческих успехов, а нам с Вами - интересных встреч с его новыми работами.

Редколлегия

ГЛАВНЫЙ ФАКТОР ОБРЕТЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

Я.И. Рубин,

доктор экономических наук (г. Минск)

Ключевые проблемы

Речь здесь пойдет о пласте нашей современной жизни, далеко еще не освоенном и к тому же неоднозначно воспринимаемом общественным мнением, а именно: *о третьих детях в наших семьях*. О рождениях, подчеркнем, не редкостных, какими они у нас бывают сегодня, а о явлении, которое может и должно стать в нашей стране массовым, обычным, привычным.

Третий ребенок своей массовостью позволил бы нам не только выйти из состояния депопуляции, но и ожидаемым ростом численности нашего населения, которое характеризовалось бы достаточно высоким качеством, замстно увеличить вклад человеческого потенциала в повышение экономического могущества формируемого у нас государства для народа. Насколько значительным может быть этот экономический вклад, свидетельствуют расчеты западных исследователей, показывающие, что вложение одного доллара в образование взрослого человека оборачивается нятикратной чистой прибылью, причем тот же доллар, инвестированный в образование *дошкольника*, приносит выгоду *семикратную*. Даже если применительно к специфическим условиям нашего переходного хозяйствования приведенные расчеты не без основания покажутся в какой-

то мере преувеличенными, все равно потенциальная эффективность такого рода инвестиций, особенно в детские поколения, впечатляет своей сверхвысокой рентабельностью.

Вот таков он, третий ребенок в семье, с его экономическим и демографическим «зарядами» и в целом его способностью оказывать благотворнейшее влияние буквально на все стороны жизни общества.

«Третий! Как же так? – наверное, ринется в бой нетерпеливый оппонент, прежде всего из числа наших коллег-демографов. – А где же в своей массе ожидаемые вторые дети, с которыми на протяжении многих лет связывались надежды на не возобновление демографических аномалий? Где эти вдруг лишенные внимания вторые дети, которых вытеснила обширная ватага малышей, единственных в семье? Этих ребятишек, которые своей разбухшей относительной численностью в суммарном населении резко сократили долю детей второй и последующей очередности рождений и вместе с сокращающейся их численностью абсолютной питают убыль нашего населения?»

Попробуем смягчить пыл оппонента: как проблема остро актуальная, вторые дети в семье остаются у нас в повестке дня. Однако в семейной трехдетной целостности вторые дети должны были невольно оказать-

ся «за кадром», чтобы как можно громче могли звучать голоса детей, пополюющих семью (пока лишь виртуально в своей массовости) третьими чадами.

Двухдетная семья, даже с прибавленными к цифре «2» многими десятками «долями ребенка» (2,6), оказалась не в состоянии сбалансировать уровни рождаемости и смертности, в значительной мере по причине выявившейся относительно большей части наших соотечественников, не способных стать родителями по природным и другим причинам – таких среди жителей республики порядка 15 процентов. Пока под прикрытием изобретенного мэтрами нашей былой политэкономии «социалистического закона народонаселения», согласно которому нашему обществу было во *всех случаях* обеспечено *расширенное* демовоспроизводство, можно было и не обращать особого внимания на обойденных судьбой «бесплодных». Когда же, начиная со второй половины 60-х годов минувшего столетия, в стране стала иссякать компенсация отложенных войной рождений и затем последовало заметное сокращение естественного прироста населения (1960 г. – 14,2 промилле, 1970 г. – 8,9, 1975 г. – 5,9 промилле), доля не способных к родительству, являвшаяся одной из весомых причин «провала» в росте населения, вынудила изменить отношение к детности семьи. И третий ребенок начал постепенно расти в своей значимости. Желательными, конечно, оставались и остаются дети, рождаемые в дополнение к третьим, но это как уж случится, а третий ребенок со временем так или иначе сделал серьезную заявку на то, чтобы занять в семье *особое место*.

В процессе изучения сложившейся в республике демографической ситуации вырисовываются *три проблемы*. Первая выражена вопросом: действительно ли можно третьего считать востребованным семьей, обществом, государством? *Объективно* востребованным – даже если эта востребованность из-за крайне низкой степени ее реализации будет сочтена иллюзорной, а проще говоря, надуманной.

Вторая проблема выражена необходимостью оценить, в какой мере забота властных структур о дошкольных учреждениях отвечает предназначению суббазового обра-

зования и полномасштабного воспитания, предусмотренных для самого юного контингента нашего населения. Детальнее – должным ли образом укомплектована материальная база детских садов; достаточна ли численность воспитателей исходя из сложившейся для них нагрузки; каков уровень квалификации преподавателей-воспитателей; и самое главное – отдаем ли мы труженикам этой сложнейшей специфической профессии заслуженную дань общественного и государственного уважения?

Третья проблема касается необходимых материальных затрат государства на стимулирование рождаемости как условие формирования состава семьи, где главной и решающей фигурой будет третий ребенок. В более общем понимании проблема сводится к оценке эффективности инвестиций в человека, в особенности на начальной стадии его развития. К этой же проблеме относятся соображения о главных точках приложения усилий для повышения результативности «демографических инвестиций» в подрастающие поколения.

Третий на шкале детности

Широкое распространение *планирования семьи* повлекло за собой появление четко различимых представлений о «подходящих» размерах семейного потомства. И образовалась такая вот градация этих величин: *идеальная*, *желаемая*, *ожидаемая*, *фактическая*. *Идеальное* число детей – это семейное потомство вообще, без учета обстоятельств, которые могут воспрепятствовать осуществлению идеала. Число детей *желаемое*, в отличие от идеального, содержит принимаемые в расчет условия, мешающие реализовать задуманное. Что касается *ожидаемого* потомства, то это, как правило, тщательно просчитанная перспектива пополнения семейства исходя из имеющихся для этого возможностей. Ну, а фактическое число детей – это, понятно, то, что в семье уже имеется. Попытаемся проследить, как при изменяющемся с годами отношении наших соотечественников к трехдетности выглядит удельный вес третьих и более детей в семьях у нас в Беларуси.

В свое время в Советском Союзе было проведено около двух десятков опросов по

поводу идеальной детности. Крупнейшим среди них и наиболее тщательно подготовленным явился опрос, организованный ЦСУ СССР в 1969 г. Опросом были охвачены все союзные республики и в каждой из них – все основные административно-территориальные образования. По областям Беларуси и г. Минску ответы о числе детей в семье, оцениваемом как идеальное, распределились следующим образом: по Гомельской, Гродненской и Минской областям – 3,1; Могилевской – 3,0; Брестской и Витебской – 2,9; по г. Минску – 2,6 [1. С.136]. Преобладание троих детей как идеала здесь видно достаточно наглядно.

Любопытно отношение людей к идеалу детности в некоторых жизненных ситуациях. Оказалось, что больше всего детей хотят иметь студентки, а это вроде никак не вяжется с бытующим мнением о многих из них как поклонниц «свободной любви», исключаяющей потомство. Выявилось также, что незамужние молодые женщины хотят иметь детей больше, чем те, кто уже замужем. А интересней всего представление о величине семейного потомства, высказываемое мужчинами. Когда в Киевском доме бракосочетаний опросили невест и женихов о «программе-минимуме» по части предполагаемого числа их детей, первые назвали цифру 2, а женихи в полный голос объявили себя сторонниками *троих* детей.

Хотя мужская приверженность трехдетности в приведенном эпизоде была, возможно, в немалой степени показной и трудно поспорить с мудростью, что женщина больше мать, чем мужчина отец, вывод этот, справедливости ради, требует смятения. Вспомним о «воскресных папах» и не оставим незамеченными энергию и настойчивость многих мужчин-отцов, самоотверженно отстаивающих право на общение со своим ребенком. Не только инстинкт материнства, но также инстинкт отцовства – вполне реальные свойства *homo sapiens*, а вовсе не вымысел о них, как это пытались изобразить некоторые исследователи исходя из ложных опасений быть обвиненными в специфическом мальгузианском биологизировании потребности в родительстве.

Как бы высоко ни ценилось представление об *идеальной* детности, наиболее су-

щественным в практической жизни является *фактическое* число родившихся детей и среди них столь необходимых третьих.

Данные табл. 1 свидетельствуют о том, что удельный вес третьих детей в общей численности рождающихся характеризуется определенной тенденцией к уменьшению. И все же, согласно последним опубликованным данным, в общем количестве 1 580 000 семей, насчитывавшихся у нас в Беларуси примерно полтора года назад, трехдетных оказалось 94 800 [3]. По своей относительной величине доля небольшая, всего 6%, но в абсолютном исчислении, согласимся, цифра внушительная. Во всяком случае, весьма далекая от нулевого рубежа, к которому она, как казалось бы, будет стремиться. Надо надеяться, что нулевая отметка никогда не станет участью ни третьих, ни последующих за ними детей. И основания для этого есть. Неиссякаемым источником является природная (биологическая) составляющая потребности в детях, неудержимо тяготеющая к другой важнейшей составляющей человеческой потребности в детях – экономико-социальной, на основе которой супругами принимается окончательное решение о числе своих детей. На эту тему уже немало было сказано в научной литературе. Поэтому здесь достаточно будет схематичного описания деталей объективной основы потребности в детях.

Биологическая составляющая. Она проявляет себя, по меньшей мере, в четырех аспектах. *Во-первых*, в результате проведенных исследований неопровержимо установлено, что вынашивание, рождение, кормление ребенка благоприятно сказывается на состоянии здоровья женщины. *Во-вторых*, доказано, что любые попытки «перехитрить» при-

Таблица 1

Динамика рожденных в Беларуси третьих и более детей за 25 лет

Год	Число родившихся	Родившиеся третьими и последующими	%
1980	154 432	11 746	7,6
1985	165 034	15 148	9,2
1990	142 167	11 236	8,0
1995	101 144	6785	6,6
2000	93 691	6336	6,1
2005	90 508	6419	7,1

Источник. Составлено на основе данных [2. С. 152] (цифры округлены).

роду так или иначе оборачиваются для женщины опутанным дискомфортом, недугами, затяжными болезнями, а нередко и бесплодием. В-третьих, природа расплачивается за преднамеренный перенос возраста, наиболее благоприятного для рождения детей, на возраст более поздний, что катастрофически снижает репродуктивный потенциал даже самой здоровой женщины. В возрасте 20–24 лет способность женщины родить в 34 раза (!) выше, чем у 40–44-летних [4, С. 48]. Правда, сидеть с ребенком в наиболее благоприятные годы сегодня не так-то просто: учеба, овладение профессией, карьера (в лучшем смысле этого слова), да и обоснованное опасение за годы декретного отпуска оторваться от своей квалификации, от любимого дела. Но положение не безвыходное. Надо активнее привлекать к уходу за теми, кто родился в оптимальное время, бабушек и дедушек, тем более что по их же признаниям, во внучатом потомстве они «души не чают», и как раз им приписывается изречение о том, что «первое дитя не дитя, первое дитя – внук». В-четвертых, выявился факт, опять же биологический по своей сущности: наиболее развиты физически и духовно бывают в большинстве случаев не первенцы, а дети последующей очередности рождений. Возможно, где-то в мире имеется статистика на этот счет, но и без нее вполне понятно, почему рожденные вторыми, третьими и т. д. отличаются особой статью: они, просто говоря, были зачаты, когда их родители находились в расцвете своих физических и духовных сил, не откладывали рождение детей «на потом».

Составляющая внебиологическая. Точнее, составляющая потребности в детях экономико-социальная. Такая же объективная, как и биологическая. Ее экономический аспект выражен тем, что дети для родителей, по выражению социолога И.В. Бестужева-Лады, «живая пенсия». Хотя и вроде бы не очень хотят нормальные взрослые дети материально помогать своим родителям, так чтобы стал чуть больше их семейный бюджет, к этому исподволь и даже можно сказать на генном уровне будет подталкивать сила, закрепившаяся своими корнями в сознании всякого порядочного человека. А родители, со своей стороны, не преминут время от времени всем, чем могут, оказывать

материальную поддержку своим никак не взрослеющим деточкам.

Не говорится уже о теснейшей связи, которая существует между потребностью в детях и законами рынка, решающим образом через смену поколений влияющими на возобновление ресурсов труда, этого главного источника экономической стабильности государства.

Аспект *социальный*, можно сказать, весь на виду. А кому из нормальных взрослых людей неведом мощнейший эмоциональный заряд, который они получают от общения с мальщиками?!

Два главных объективных компонента потребности в детях мы, как представляется, вправе обозначить понятием *демографического императива* и считать его заслуживающим включения в арсенал основных понятий демографической науки.

Выраженная демографическим императивом настоятельность служит надежной гарантией успеха усилий по управлению динамикой населения – при непременном условии, что направленность этой активности совпадает с вектором устремленности потребности в детях. И начало этой согласованности, гармонии количественных и качественных последствий удовлетворения потребности в детях, призвана закладывать первая, «детсадовская» ступень образования–воспитания.

В первичной «кузнице граждан»

Окинув поначалу беглым взглядом нынешнее «житье-бытье» наших дошкольных учреждений, обнаружим в их деятельности немало положительного. Прежде всего – охват детей этой ступенью образования: он превышает 80%. Прибавим к этому стопроцентную подготовку пятилетних детсадовцев к школе. Уровень, показательный для наиболее экономически развитых стран. Педагоги-воспитатели нацелены на полное и качественное использование рекомендаций Министерства образования, изложенных в многочисленных учебно-методических и наглядно-дидактических пособиях. Стали более разнообразными формы работы с дошкольниками. Появились учреждения нового типа: сад-школа, семейный детский сад, сезонная игровая площадка. По данным Ми-

нобразования, число введенных в строй такого рода учреждений составило за 8 месяцев 2006 г. 187 единиц, из них 146, свыше 70%, пришлось на сельскую местность, что явилось ощутимым вкладом в реализацию одного из важных направлений государственной Программы возрождения и развития села. Функционирует для дошкольников более 6 тысяч кружков по интересам. Развитие способностей и талантов детсадовцев осуществляется по двадцати с лишним направлениям, среди которых изобразительное искусство, хореография, музыка, спорт (в основном плавание), иностранный язык (преимущественно английский). Расширяется сеть платных кружков: за период 2005–2006 гг. их число увеличилось с 1919 до 5527, т. е. возросло более чем в два раза. Немаловажным является сохранение для дошкольных учреждений 60-процентной доли оплаты родителями питания их детей в саду.

В целом, неплохое впечатление производят плоды работы педагогов-воспитателей. Дошкольники в меру доступности их понимания, главным образом через игры с помощью творчески разработанных «сценариев», постепенно усваивают то, что во взрослой жизни они будут воспринимать как гражданские права и обязанности, среди которых не на последнем месте будет, например, обязанность не только в публичном общении, но и в обычных домашних условиях пользоваться только *нормативной* лексикой и не поддаваться разного рода вульгарным языковым вывертам типа «не тормози – сникерсни», десятки раз вдалбливаемыми нам в головы телевидением. Среди правил публичного общения окажется, наверное, и галантное, а лучше бы даже сказать, рыцарское, отношение к женщине, начало которому успешно может закладываться взаимоотношениями детсадовских мальчиков и девочек. Это кое-что об обязанностях. А что касается прав будущих граждан, используется все доступное и понятное для того, чтобы они, когда придет время, активно участвовали в политической жизни страны, в выборах органов государственной власти, в общественных мероприятиях, причем для себя не только прагматичных, рыночных, но и, главным образом, с высоким нравственным, проникнутым бескорыстием смыслом. В общем, имеется ос-

нование полагать, что наши дошкольные учреждения достаточно четко ориентированы на привитие своим питомцам основных канонов прогрессивной общей культуры народа при особом внимании к лучшим национальным традициям.

Все бы хорошо, только в том самом житье-бытье дошкольных учреждений, оцениваемом нами как благополучное, имеется немало «узких мест». Первым среди них следует назвать неполную решительность проблемы помещений для дошкольных учреждений.

В связи с парастающей депопуляцией, вызванной резким сокращением рождаемости (как и повышением уровня смертности), многие дошкольные учреждения были в нашей стране закрыты, в одном лишь 1993 г. – 842, а их помещения сданы в аренду или проданы. Поддались пессимистическим прогнозам относительно демографического будущего Беларуси наши уважаемые архитекторы и поспешили исключить из документов на возведение жилых микрорайонов проектно-сметную документацию на строительство учреждений для дошкольников. Было решено, что она будет разрабатываться после заселения жилых домов в новом микрорайоне. В результате родители не всегда имеют возможность устроить своего ребенка в детский сад, расположенный в непосредственной близости от места проживания. Проблема будет решена, если двери первичных очагов образования для детей будут открываться синхронно с вручением новоселам ключей от квартир.

Серьезную озабоченность вызывает состояние здоровья детсадовцев. Лишь менее их пятой части поступает в дошкольные учреждения аттестованными «первой группой» здоровья, т. е. практически здоровыми. Случаев заболевания в расчете на 1000 дошкольников было в 2004 г. 1693, 2005 г. – 1648, 2006 г. – 1677, 2007 г. – 1613. Число заболевших, как видим, снижается незначительно: часть школьников вынуждена пропускать занятия в саду по причине заболевания неоднократно. Наиболее распространенным недугом среди дошкольников является всем нам хорошо известное ОРЗ. Основная его причина – самая банальная: «сквозняки» во внутренних помещениях. Общее состояние здоровья дошкольников будет во многом за-

висеть от осуществляемого за ним врачебного контроля. Но многие ли детсады уже имеют в штатном расписании должность врача, предусмотренную Законом Республики Беларусь «Об образовании»?

Наконец, о самом узком из «узких мест» – о социальном статусе педагогов-воспитателей дошкольных учреждений. Он оценивается как самый низкий в своей отрасли. Фактическая заработная плата «дошкольных» педагогов с высшим образованием, с высшей категорией и стажем педагогической работы заметно уступает денежному вознаграждению за труд их коллег-педагогов из средней общеобразовательной школы. А у молодых детсадовских педагогов-воспитателей зарплата совсем мизерная. Между тем более половины педагогов дошкольного образования являются специалистами *средней* квалификации. Но почему, спрашивается, с *высшей* квалификацией так мало, хотя вузы республики вроде бы готовят их «согласно потребности»? Или, быть может, кому-то кажется, будто быть педагогом для малышей «куда проще», чем иметь дело со взрослыми людьми – по аналогии с детскими писателями, которые кос-кем котируются рангом ниже по сравнению с пишущими для взрослых? Как бы то ни было, а имеет место значительный отток педагогов высшей квалификации из детсадовских учреждений.

Цель приведенных здесь фактов и суждений – при подходе к нашей основной демографической проблеме, рассматриваемой с позиции как настоящего, так и будущего, не ограничиваться ее *количественным* измерением, как это сплошь и рядом практиковалось в былые времена и нередко наблюдается сегодня, а уделять не меньшее внимание *качественным* характеристикам поколений, начиная с самого юного.

С третьим к «30 миллионам»

При всей уверенности в возможном, благодаря трехлетности, существенном умножении числа наших соотечественников до 30 миллионов, непосредственно опирающейся на предполагаемое появление в лице многочисленного контингента дошкольников полноценных будущих граждан республики, мы в то же время отдаем себе отчет, что путь

к этой цели далек и тернист. В обоих демографических измерениях, количественном и качественном, этот путь окажется нам под силу, если грамотно разберемся в политике управления демовоспроизводством, безошибочно определим, что сегодня действительно является в этой политике приоритетным. Требуется, иначе говоря, четкость демографической мысли, исключая, скажем, «подгонку» под свои суждения событий из демографической практики, оценка которых, взятая на поверку, оказывается ложной. Свежий пример такого рода вольностей – тезисы выступления одного из наших коллег на Международной научной конференции, состоявшейся в Минске в Научно-исследовательском экономическом институте Министерства экономики Республики Беларусь.

Вышло так, что упомянутые тезисы оказались опубликованными рядом с тезисами выступления, по содержанию существенно отличающегося от соседнего. Если в одном выступлении приоритетом провозглашено *снижение смертности*, то в другом – *повышение рождаемости*, которое оценивается как важнейший фактор нормализации демографической ситуации в стране. При этом подчеркивается, что «он и только он сможет решить проблему» [5. С. 126]. К этому выверенному заключению добавить нечего.

Не приходится доказывать, что само по себе снижение смертности сохраняет для нас свою исключительную актуальность. И хотя этим вроде бы все сказано, в демографическом контексте данное направление политики народонаселения нуждается в дополнительном истолковании. По мнению автора тезисов, Беларуси нужна «совершенно новая» демографическая политика, «направленная на снижение темпов депопуляции, укрепление здоровья, улучшение качества населения, снижение смертности. Однако многие ученые и общественные деятели до сих пор в основном ориентированы на подъем рождаемости, хотя изучение опыта зарубежных стран показало, что увеличение рождаемости при помощи самых активных и дорогостоящих мер даже в странах, которые не переживали кризисной ситуации, малоэффективно» [5. С. 128–129].

Возникает вопрос, правомерно ли перечисленные направления деятельности государ-

ства приписывать демографической политике? Разве снижению темпов депопуляции не служит обширный комплекс государственных мер – денежных (зарплата, пенсия, пособия), жилищных, финансово-кредитных и ряда других, по меньшей мере не только демографических и тем более «новых»? Или же «укрепление здоровья». Разве в меньшей степени, чем демографическая политика, к этому причастна политика здравоохранения? Скорее, наоборот, поскольку здравоохранение (пусть даже в пределах официально признанного за ним лишь 15–20-процентного участия в обеспечении здоровья нации) нацелено уже по самому своему определению на заботу о здоровье населения как главной своей миссии. Демографическую окраску здоровье получило бы, если бы о нем говорилось как об одной из основных характеристик *качества* населения, составляющих одно целое с другими его основными характеристиками (образованием, профессиональной подготовленностью, общей культурой), но о качестве населения в тезисах выступления говорится вслед за здоровьем, будто наличие синонимы – мы видим обращение с понятиями без учета их места в иерархической цепочке.

Что же касается необходимости снижать смертность, которая в выступлении определяется, по существу, как некая новая парадигма демографического оздоровления страны, то перед этим, на наш взгляд, обязательно нужно было внести ясность, *какой* вид смертности имеется в виду. То ли *сверхсмертность*, вызываемая безоглядным пьянством, бездумным табакокурением с детских лет; нескончаемыми происшествиями на автодорогах; безответственным отношением к технике безопасности на производстве, в особенности в строительных организациях. То ли речь идет о смертности другого типа, которую мы (с определенной условностью) вправе называть *естественной*. Такое разграничение *принципиально* важно для демографической политики. Дело в том, что со сверхсмертностью можно в основном покончить за сравнительно непродолжительное время, и при этом была бы решена *тактическая* задача. Сокращение же смертности естественной простирается на область *стратегии* управления динамикой населения, и последствия этой стратегии, обратим на это особое

внимание, уже совсем другие. Автор анализируемых тезисов, просчитав возможности снижения в республике смертности в ближайшем будущем, распространил ту же тенденцию и на долгосрочную перспективу.

Между тем возможно ли сокращение смертности – не то что в долгосрочной, но даже в ближайшей перспективе – при низкой и тем более сокращающейся рождаемости? Поинтересуемся поначалу, как «смотрит» на это статистика. Самые свежие (по времени опубликования) сведения на этот счет приводятся в табл. 2.

Обозначенная в таблице наиболее высокая средняя продолжительность жизни является, как это самоочевидно, в то же время и показателем наиболее высокого уровня здоровья населения и, как казалось бы, рекордно низкой его смертности. На самом же деле страны с рекордно высокой продолжительностью жизни оказались в списке развитых государств, где смертность наиболее высока, и среди них – Япония с суммарным коэффициентом рождаемости (со средним числом живорождений на одну женщину) 1,27. Между тем уже при величине 2,15 этот коэффициент считается низким. Закономерным выглядит средний прирост населения Японии в 2005–2010 гг., оцениваемый цифрой минус 0,02 процента, т. е. как практически находящийся на грани отрицательного естественного прироста [7. С. 18]. И что же в таком случае можно сказать о демографическом завтра нашей страны, если средняя продолжительность жизни у нас лишь чуть выше 60 лет (62,8 в 2006 г., по данным Фонда ООН в об-

Таблица 2

Продолжительность жизни и смертность при низкой рождаемости

Развитые страны			
с наиболее высокой средней продолжительностью жизни, лет		с наиболее высокими коэффициентами смертности, промилле	
Япония	82,6	Италия	10,5
Швеция	80,9	Швеция	10,1
Финляндия	79,3	Финляндия	9,7
Франция	80,7	Австрия	9,4
Италия	80,5	Норвегия	9,1
Норвегия	80,2	Япония	9,0
Австрия	79,8	Франция	8,9
Нидерланды	79,3	Нидерланды	8,6

Источник. Составлено на основе данных [7. С. 80, 82].

ласти народонаселения), а средний коэффициент смертности в период 2005–2010 гг. оценивается авторитетным источником в 14,7 промилле, суммарный коэффициент рождаемости – в среднем 1,20 [6. С. 82], что значительно меньше величины, способной обеспечить простое замещение поколений?

Можно было и не прибегать к данным статистики. Элементарный здравый смысл доказал бы, что при неадекватном замещении родительских поколений поколениями их детей смертность лишена перспективы сокращения. Она, наоборот, раньше или позже, неизбежно начнет возрастать, даже если это, предположим, относится к стопроцентно здоровому населению. Никуда не уйти от в основном предначертанной природой «лимита жизни», и даже если он для современной цивилизации биологически может составить 120–150 лет, все равно подойдет время, когда долгожители начнут один за другим покидать этот мир. И какое уж там сокращение смертности «в долгосрочной перспективе», когда уже на глазах, т. е. в перспективе самой близкой, низкая рождаемость демонстрирует высокую смертность!

Таким образом, ориентация на приоритет, о котором разговор, – это уже не просто определенная некорректность в научной дискуссии, это концепция, способная сбить с толку демографическую мысль и направить политику народонаселения по ошибочному пути, а в итоге заблокировать усилия государства по обеспечению стране надежного демографического благополучия. Мы придерживаемся *другого* приоритета – нацеленного на повышение рождаемости, обеспечивающего массовую трехдетность наших семей. Предложим несколько мероприятий демографической политики из числа возможных.

В порядке продолжения *традиционной* практики целесообразно наращивать материальное стимулирование рождаемости. Довольно распространенное мнение, будто подъем материального благосостояния обратно пропорционален появляющемуся числу детей в семье, отражает лишь одну сторону проблемы. Можно привести сколько угодно доказательств в пользу того, что высокий материальный достаток, наоборот, способствует повышению детности семьи. Число детей в семье определяется отнюдь не означенным математическим со-

отношением, а зависит от степени удовлетворения семейных потребностей, настоятельность которых часто меняется по признаку неотложности, подстегиваемой беспрецедентным современным обилием потребительских товаров и услуг, и в этой ситуации потребность в детях нередко оказывается не первой в очереди на реализацию. Повышенные пособия по случаю рождения детей способствуют возвращению потребности в детях на ее «положенное» место. Причем в контексте рассматриваемых в данной статье проблем особое значение имеет материальное поощрение рождения в семье третьего ребенка. Он, правда, уже и так наделен преимуществом по этой части: в соответствии с президентским Указом от 8 июня 2007 года, выплачивается пособие в размере пятикратного БПМ при рождении первого ребенка и семикратного при рождении второго и последующих детей. Третий в данном случае обозначен среди «последующих». Видимо, было бы правильно при дальнейшем совершенствовании системы пособий третьего ребенка выделить особо и предусмотреть за его появление на свет вознаграждение в размере, скажем, десятикратного БПМ.

Уточнения требует высказанный на научной конференции в НИЭИ тезис о якобы малоэффективности «даже самых активных и дорогостоящих мер» по повышению рождаемости. Проверим достоверность тезиса на примере Франции, которая первой среди западноевропейских стран столкнулась с демографической бедой. Именно благодаря тщательно организованной системе материального поощрения рождаемости она наряду со скандинавскими странами сегодня занимает первое место в Европе по естественному приросту населения, хотя и небольшому, но, что самое главное, этот прирост – *положительный*. Сохраняется таковым благодаря, например, тому, что государство размером пособия женщине, родившей ребенка, предоставило возможность уже через три недели после родов вернуться к любимому постоянному месту работы и не расставаться со столь необходимой современному цивилизованному человеку потребностью в самоутверждении, реализации своих способностей, наклонностей.

А среди скандинавских стран, где активно используются меры по повышению

рождаемости, например, в Швеции в течение 16 месяцев выплачивается пособие, равное четырем пятым размера последнего заработка женщины.

Продолжая разговор о материальномощении рождаемости *у нас в стране*, отметим, что важное место в нем должен занять вклад жилищной политики. Может быть, стоило бы предусмотреть специальную квоту на социальное жилье, предназначенное, при определенных условиях, для семей с тремя (и более) детьми? Предоставление семье просторной и комфортной квартиры уже само по себе есть призыв к увеличению семейства.

Обширное поле деятельности открывається для совершенствования практики *морального* стимулирования трехдетности.

Почему бы, например, не взяться за подготовку и проведение беспрецедентного мероприятия, каким мог бы стать... Конгресс трехдетных супругов. Конгресс с участием Президента страны. Можно не сомневаться в положительном воздействии, которое подобное мероприятие могло бы оказать на супругов, и так уже настроенных на трехдетность, но считающих возможным малость с этим повременить. В будущем «форумы трехдетности» могли бы стать традицией.

А еще в арсенале демографической политики имеется потенциально весьма эффективное средство стимулирования рождаемости, особенно эффективное для женщин – непосредственных творцов рождений. И именуется это средство хорошо знакомым словом «мода». Она, как известно, легко и ценно обустроивается в головах людей. Существует мода на одежду, обувь и т.п. Так почему бы ей не поучаствовать в деле посерьезнее – демографическом? Тем более что «демографическая мода» уже зафиксирована в истории. О ней подробно писал известный французский демограф и статистик Жак Бертийон (1851–1922), писал о воцарившейся в свое время во Франции моде на одного ребенка, достигшей крайних пределов – так что вторая беременность считалась постыдной, а «супругов-посудачников», у которых ненароком появился второй ребенок, соседи не поздравляли, а выражали им свое сочувствие [7. С. 107–108].

Бертийон привел пример настроенности моды на резкое ограничение рождаемости, но

от этого *магия моды*, понятно, не стала менее могущественной. И она как бы предлагает: используйте меня, как считаете нужным.

Не лишним будет добавить, что отголоски реакции на нарушение модной одолетности докатились до наших времен и наших мест. Так, выступая на международной научной конференции, состоявшейся не так давно в Гомеле, один из ее участников коснулся проблемы встречающегося у нас «агрессивно-воинственного отношения» к людям, у которых детей несколько. «Это отношение лишает людей, воспитывающих трех и более детей, элементарного просвещенного сочувствия, гуманного отношения и симпатии, встречи с ними сопровождаются сочувствием лицемерным, оскорбительным презрением и насмешками. Такое отношение прорывается на официальный уровень, проявляясь в холодном безразличии, а порой в агрессивной нетерпимости со стороны чиновников и специалистов, которые по долгу своей службы должны защищать интересы семьи» [8. С. 16]. Как говорится, слава Богу, что нашей заботой сегодня может стать мода противоположной направленности.

Собственно, мода в нужном нам варианте уже начала у нас прививаться, хотя и под другим названием: «Просто замечательно, что становится почитаемым и престижным иметь в семье трех и более детей», – сказал в своем Новомодном обращении к народу Президент нашего государства [9].

Престижность и мода – понятия родственные. Модным становится личная забота каждого о своем здоровье. Указом Главы государства 2008 год объявлен Годом здоровья. Не только физического, но и всего, что охватывается понятием образа жизни. Естественным явится пополнение «семьи мод» модой на трехдетную семью. Подчеркнем: имеется в виду мода не скоротечная, сезонная или годовичная, а вопреки привычному представлению о ней – прочная, стабильная, рассчитанная на многие годы. На такую могут и должны достойно потрудиться все СМИ и лекторский актив республиканского общества «Знание».

Кажется, доводов в пользу приоритетности повышения рождаемости приведено достаточно. Достаточно не только по отношению к депопуляции, но и с учетом цели, которая «за

